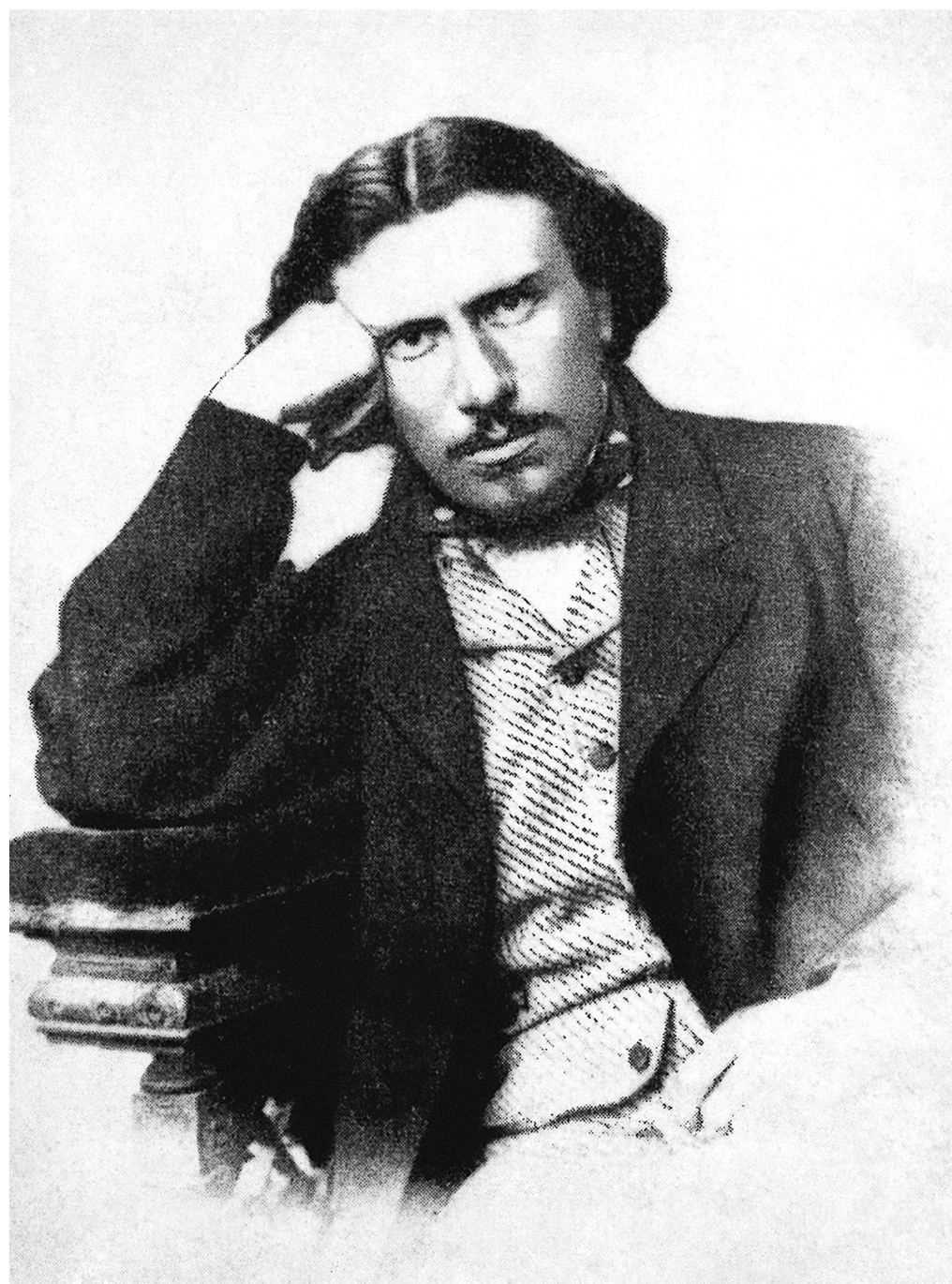

Николай Лесков

Соборяне

Роман-хроника

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Иллюстрация на фронтисписе:
Николай Лесков. Начало 1860-х годов

Текст печатается по изданию:

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. Т. 4. — М.: ГИХЛ, 1957. — 560 с.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
Л50

Лесков Н.

Л50 Соборяне / Николай Лесков. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 372 с. : ил. — (Главные книги русской литературы).

ISBN 978-5-9614-9209-5

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9209-5

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tuilib@alпина.ru.

© Оборин Л., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2025

Предисловие «Полки»

*Роман-хроника о двух священниках,
одном дьяконе, суетах провинциального
Старгорода и крушении заповедной сказки.
Главная книга Лескова сочетает комизм
и почти старообрядческий пафос,
а консерватизм писателя оказывается
одной из сторон его независимости.*

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

«Соборяне» — хроника последних лет жизни двух священников и одного дьякона в городе Старгороде. Литературное сокровище русского консерватизма, «Соборяне» — книга о бесконечно милом сердцу Лескова провинциальном духовенстве, о людях ревностных, смешных, трогательных. Их рачение, искренность, готовность бороться за веру не находят в России должного места — причем не только из-за перемен в политическом сознании, к которым Лесков относился без приязни, но и из-за того, что «несть пророка в отечестве своем».

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1866–1872 годах. До итоговой версии «Соборян» было написано несколько черновых и промежуточных вариантов. В 1867-м появился первый вариант «Соборян» — «Чающие движения воды»; в 1868-м второй — «Божедомы». Все эти ранние редакции Лесков начинал публиковать, но не доводил публикацию до конца. Писатель не прекращал работу над романом, вносил в него существенные изменения. Итоговая редакция, получившая название «Соборяне», была закончена в 1872 году.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Лесков указывал, что «Соборяне» — не роман, а хроника, и для понимания книги это принципиально важно. Пи-

сатель отсылает к древнерусским летописям, которые перечисляют события, не различая центральных и периферийных явлений, и лесковская хроника ближе к жизни, чем идейно выверенная и эффектно выстроенная беллетристика: Дмитрий Святополк-Мирский даже называет «Соборян», по сравнению с другими текстами Лескова, вещью «слишком ровной, неторопливой, мирной, бедной событиями, нелесковской»¹. Согласиться с этим нельзя, но знакомый нам по другим произведениям Лескова сказ — то есть стилизация не книжной, устной речи — здесь действительно приглушен. Впрочем, стилистический блеск Лескова виден и в наивных письмах дьякона Ахиллы, и в рассказах карлика Николая Афанасьевича о причудах его старой барыни, и в дневниковых записях образованного и мудрого протопопа Туберозова. Этот дневник, из которого мы узнаем многое о жизни русского духовенства в XIX веке, в «Соборянах» занимает отдельную главу — невероятно объемную по сравнению с другими, как правило состоящими из двух-трех страниц. Перед нами масса, уравнивающая все прочее, что мы читаем в «Соборянах»: Лескова мало заботила пропорциональность, ему нужно было не просто, по слову Достоевского, «мысль разрешить», но, скорее, поставить нужные вопросы, которые, между прочим, не позволяют навязать ему ни одну из «заранее готовых» позиций в споре об обществе и церкви 1860-х. Дальнейшее развитие лесковской прозы подтвердит его обособленность от всей русской литературы, ощутимую в уникальном языке и замысле «Соборян».

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Журнальная карьера Лескова складывалась непросто, и история «Соборян» — лишнее тому подтверждение. В 1866 году Лесков отдал свою хронику — пока еще под названием «Чающие движения воды» и под псевдонимом М. Стебницкий — в журнал «Отечественные записки», где работал покровительствовавший ему критик Степан Дудышкин. Но после внезапной смерти Дудышкина единственным издателем журнала остался Андрей Краевский — опытный журналист с неоднозначной репутацией. Краевский начал самовольно редактировать рукопись — смягчать то, что казалось острым, сокращать то, что казалось длинным. В результате по требованию Лескова публикация была остановлена после двух номеров.

Следующая попытка состоялась в 1868-м: переработав начало романа, Лесков отдал его (под названием «Божедомы») в журнал «Литературная библиотека». На этот раз публикации помешало закрытие журнала. Предложив роман еще нескольким изданиям, опубликовав несколько отрывков из него и ввязавшись в очередной неприятный скандал и нервное судебное разбирательство (редактор журнала «Заря» обвинял писателя в том, что он вместо одной рукописи предоставил ему другую, а важный фрагмент текста напечатал в конкурирующем журнале), Лесков в конце концов остановился на «Русском вестнике» Михаила Каткова. Там роман и вышел под привычным нам названием — в четырех номерах, с апрельского по июльский. При публикации Лесков посвятил «Соборян» Алексею Констан-

тиновичу Толстому, чью поэму «Иоанн Дамаскин» протопоп Туберозов цитирует в версии «Божедомы». В 1878-м «Соборяне» вышли отдельной книгой и с тех пор много раз переиздавались.

В конце XX века были отдельно опубликованы черновые и промежуточные варианты «Соборян». В 2018 году в издательстве «Пушкинский дом» вышло новое издание лесковской хроники, подробно прокомментированное Татьяной Ильинской; в нашей статье мы опираемся на это издание.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Собственные воспоминания Лескова, выходящего из семьи священников. Политические новости и тревоги 1860-х — и реакция на них, в том числе создающиеся одновременно с «Соборянами» «Бесы» Достоевского. В последнем случае можно, пожалуй, говорить о взаимном влиянии: Достоевский и Лесков внимательно читали друг друга, и в «Бесах» и «Соборянах» немало параллелей — к примеру, в «Бесах» революционер-provokator Верховенский предлагает Ставрогину роль Ивана-царевича в политическом заговоре, а в «Соборянах» provokator Термососов предлагает князю Борноволокову: «Будьте-ка вы Иван Царевич, а я буду ваш Серый Волк».

Есть и другие, не менее важные влияния на «Соборян». Это работы по истории и быту русского духовенства, в том числе запрещенная книга священника Иоанна Белюстина «О сельском духовенстве в России», и сочинения духовных писателей, например Иннокентия Хер-

сонского. Это политическая журнальная полемика 1860-х. Это «Житие протопопа Аввакума» — лесковский Туберозов, даром что борется с раскольниками, многим напоминает знаменитого «огненного протопопа» XVII столетия. Это Гоголь с его умением сочетать идиллию и сатиру. Наконец, это английская проза XVIII–XIX веков, от Стерна до Тrolлопа: «Соборян» часто сравнивают с английскими романами о священниках.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Как и в случае с другими произведениями Лескова, на восприятии «Соборян» отрицательно сказалась «антинигилистическая» репутация писателя, к которой добавилась одиозная репутация «Русского вестника». В «Соборянах» Лесков вновь обратился к нападкам на нигилистов — влиятельный критик Николай Михайловский пишет, что для писателя «не существует предел „Некуда“^{*1}». С издевательской — в своем духе — критикой выступил Виктор Буренин, обвинивший Лескова в глупости, в пошлом «стебнищизме» (по старому псевдониму Лескова — Стебницкий), в попытке трижды напечатать одну и ту же вещь и, наконец, в плагиате: по предположению Буренина, дневник Савелия Туберозова — настоящий дневник священника, который Лесков выдал за собственное сочинение.

В то же время о «Соборянах» тепло отзывались критики консервативных изданий и духовные писатели; к примеру,

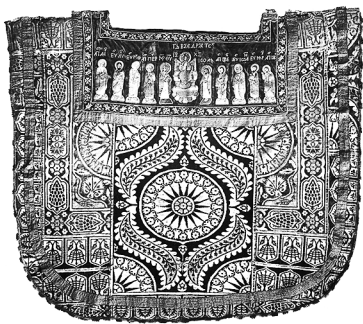
^{*1} То есть дебютного романа Лескова в антинигилистическом духе, из-за которого перед писателем закрылись двери «прогрессивных» редакций.

Большой запрестольный серебряный крест.
Из альбома фотографий Супрасльского
Благовещенского монастыря. 1870–1880-е годы

в 1876 году появился обстоятельный разбор хроники в журнале «Православное обозрение» за авторством историка и публициста Александра Вишнякова — он хвалил Лескова за создание «живого литературного типа доброго пастыря» и отход от традиции карикатурного изображения священников в литературе. Сохранились свидетельства о том, что к Лескову лично приходили священники, чтобы рассказать, «с каким вниманием прочли мы его прекрасный роман и сообщить кое-что из своей жизни»².

В светской же печати «самым ярким хвалебным отзывом... стали рецензии в газете «Гражданин»³, которую редактиро-

Шелковая риза с украшениями из бархата.

Из альбома фотографий Супрасльского Благовещенского монастыря. 1870–1880-е годы

вал Достоевский. Анонимный рецензент писал, что «Соборяне» — «капитальное произведение... которое можно поставить в один ряд с «Войной и миром» Толстого и «Бесами» Достоевского» — удивительно прозорливая оценка, если учесть тогдашнее замалчивание Лескова. В авторе этой заметки одно время подозревали самого Достоевского (который вряд ли стал бы так прямо расхваливать собственных «Бесов»), но затем филологи выяснили, что написал ее Владимир Мещерский (личность колоритная: близкий друг Александра III, писатель крайне консервативных взглядов, гомосексуал и большой сторонник телесных наказаний; сам Лесков называл Мещерского «литературным Агасфером» и «недоумком консерватизма»). Впрочем, высокое мнение о «Соборьях»

Достоевский, судя по всему, разделял; из писателей первого ряда хроникой Лескова восхищался также Иван Гончаров.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Лесков до конца дней считал «Соборян» своей лучшей книгой и говорил о них: «Может быть, единственная моя вещь, которая найдет себе место в истории нашей литературы». К материалу своей хроники он со временем начал относиться по-другому: в середине 1870-х писатель, по собственному слову, «разладил с церковностью». Несмотря на это, темы «Соборян» нашли продолжение в «Мелочах архиерейской жизни», «На краю света», «Запечатленном ангеле» и других произведениях Лескова.

Судьба «Соборян» в позднейшей критике не слишком завидная. Притом что эту книгу очень любили читатели (из нее в русскую фразеологию ушло выражение «наступить на любимую мозоль» — курьезное свидетельство того, что «Соборян» читали и цитировали), о ней, как и о Лескове вообще, мало писали вплоть до конца 1890-х. Редкие хвалебные отзывы и попытки анализа принадлежали Василию Розанову, Сергею Дурылину^{*1}, Акиму Волинскому^{*2}. В годы советской власти, когда в России «Соборяне» не пере-

^{*1} Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) — литературовед, богослов, театральный критик. С 1906 по 1917 год совершил ряд этнографических поездок по Русскому Северу, после которых сформулировал тезис о граде Китеже как основании русской духовной культуры. Был секретарем Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. После революции переехал в Сергиев Посад и был рукоположен в священники. В 1922-м Дурылина арестовали и отправили в ссылку в Челябинск. После возвращения работал театральным критиком, преподавал в ГИТИСе.

^{*2} Аким Львович Волинский (1861–1926) — литературный критик, искусствовед. С 1889 года работал в журнале «Северный вестник», с 1891-го по 1898-й был главным редактором издания.

Фотография Уильяма Каррика.
Из серии «Русское духовенство». Конец XIX века

издаются, о них помнят в эмиграции — к примеру, Марина Цветаева в письме Юрию Иваску сообщает: «Из русских книг больше всего люблю Семейную хронику и Соборян». В 1928 году, выступая на вечере памяти Михаила Арцыбашева, «Соборян» долго и подробно вспоминает Дмитрий Философов^{*1}. Он (сегодня это звучит

несколько неожиданно) сравнивает автора «Санина»^{*2} с протопопом Савелием: «Михаил Петрович не был иереем, служителем алтаря. <...> Но... те люди, которые знали и любили его, хотя бы заочно, несомненно чувствовали в нем какое-то избранничество, несомненно утверждали на нем какой-то высокий «сан».

В 1896 году опубликовал книгу «Русские критики». Писал мемуарные очерки о Гиппиус, Михайловском, Сологубе, Чуковском. После революции заведовал итальянским отделом в издательстве «Всемирная литература» и петроградским отделением Союза писателей.

^{*1} Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — публицист, литературный критик. Служил в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, заведовал литературным отделом журнала «Мир искусства», выпускавшегося Дягилевым, двоюродным братом и любовником Философова. После разрыва с Дягилевым сблизился с Мережковским и Гиппиус, заключив с ними своеобразный мистический брак. Участвовал с ними в Религиозно-философских собраниях, работал в журнале «Новый путь». Вместе с семейной парой уехал жить в Париж. В 1908 году вернулся в Россию, после революции опять уехал и присоединился к антикоммунистическому сопротивлению, был соратником эсера Савинкова, жил в Польше.

^{*2} «Санин» Арцыбашева был одним из самых скандальных романов своего времени: Арцыбашев включил в него весьма смелые эротические сцены, а в уста своего героя вложил проповедь ницшеанского гедонизма.

Советские издания «Соборян» выходят только в 1950–1960-е; в это время хроника попадает наконец в активный оборот лесковедов — особенно много пишет о ней критик Лев Аннинский, опять же сопоставляющий замысел «Соборян» с «Войной и миром» и «Братьями Карамазовыми»: «национальная художественная вселенная, русский духовный космос»⁴.

В наше время «Соборяне» — один из самых изучаемых лесковских текстов. В 1992 году спектакль по книге был поставлен в Театре Вахтангова (постановка — Роман Виктюк, автор инсценировки — Нина Садур, в роли протопопа Туберозова — Михаил Ульянов). Об экранизации «Соборян» мечтал Алексей Балабанов, но сам же признавал: «Лесков — гениальный автор. И экранизация наверняка получится хуже оригинала. Так что, думаю, пытаться не стоит». В целом на месте постановок и экранизаций, которые приличествовали бы произведению такого уровня, — ошутимое зияние, и это говорит о том, что «Соборяне» по-прежнему не прочитаны как следует.

ПОЧЕМУ ЛЕСКОВ ТАК ЛЮБИЛ ПИСАТЬ О СВЯЩЕННИКАХ?

Священство было мило сердцу Лескова в первую очередь по родственным причинам. Лесков происходил из духовенства: священником как минимум в четвертом поколении был его дед Дмитрий. Писатель признавался, что «в лице... Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле

был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру». Воспоминания дочери Дмитрия Лескова, тетки писателя Прасковьи, и собственный детский опыт Лескова — «жизнь вблизи монастырской слободки, семейные рассказы о семинарском быте, орловские праведники и «разноверы»^{*1}, богомолья в тихих провинциальных обителях»⁵ — послужили материалом для «Соборян».

К описанию жизни духовенства Лесков приступает еще в «Овцебыке» (1862) — большом рассказе о несчастном монастырском послушнике, одном из ранних своих «праведников», который не находит места в равнодушном к нему мире и кончает с собой. «Соборяне» — гораздо более масштабное произведение, и здесь показано, каким разным бывает русское духовенство. Лесков, конечно, идеализирует своего главного героя-священника. С первых же глав ясно, что Савелий Туберозов — личность исключительная; говорится даже, что его голову можно назвать «образцом мужественной красоты». Священство в глазах Лескова противопоставлено священноначалию: пережив очередной донос, Туберозов позволяет себе редкие «суетные мысли» о том, что он мог выбрать иной путь — пойти в академию, стать «с летами архимандритом, архиереем; ездил бы в карете, сам бы командовал, а не мною бы помыкали».

Но именно священнический крест для Лескова важен и весом. В 1879 году, уже чувствуя «разлад» с духовенством, с которым он состоял в таком тесном общении, писатель выпустил книгу «Мелочи архиерейской жизни» — замечательное собра-

^{*1} Лесков имеет в виду христиан, не принадлежащих официальной православной церкви.

Вернемся к «Соборьям». Лесков прямо говорил о нравоучительной силе своей хроники: такие герои, как Савелий Туберозов, карлик Николай Афанасьич, протопопица Наталья, должны были пробуждать в читателе добрые чувства — и писатель жалел, что многие выделяют в первую очередь дьякона Ахиллу, «более забавного, чем возвышенного». Вероятно, Лескову хотелось способствовать своим произведением улучшению

Вполне понятно, что произведение о Церкви, написанное глубоко заинтересованным в этой теме писателем, пронизано библейскими аллюзиями: опьяневший Ахилла испытывает желание стать Каином, Старгородский собор стоит на Нагорной стороне (ср. «Нагорная проповедь» — к этому ключевому месту Евангелия исследователи возводят систему персонажей «Соборян», в которых есть свои нищие духом и свои чистые сердцем, свои алчущие и свои изгнанные правды ради⁶. Даже подлец Термосесов, диктуя Борново-

Предисловие «Полки»

локову донос, говорит: «...я как Пилат: еже писах — писах». Ближе к финалу хроники библеизмов в речи героев становится все больше, и они лишаются всякого иронического привкуса. Цитата из Книги пророка Захарии, которую дьякон Ахилла произносит над гробом Савелия, — «И воззрят Нань Егоже прободоша», то есть «И они воззрят на Него, Которого пронзили», — звучит грозным ветхозаветным укором миру, который не сумел распознать праведника и расправился со своей «старой сказкой».

ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ ИЗ «СОБОРЯН» О ЖИЗНИ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА?

Основное действие «Соборян» происходит в середине 1860-х, но из дневника («Деми-котоновой книги») протопопа Савелия мы узнаем о его жизни — и, соответственно, о жизни и заботах русского духовенства — предыдущих тридцати пяти лет: Туберозов был рукоположен в священники в 1831 году. За это время из молодого батюшки, мечтающего о духовном обновлении своей паствы, он превращается в умудренного жизнью настоятеля. В 1837-м он произносит искреннюю проповедь, за которую его подвергают консисторскому взысканию^{*1}, и после этого решает больше не проповедовать. У духовного начальства свои интересы: священник — инструмент

церковной политики, и конкретно Туберозову предписано бороться с раскольниками (то есть со старообрядцами). При этом, когда он просит дозволения «иметь на Пасхе словопрение с раскольниками», ему в этом отказывают, очевидно опасаясь, «как бы чего не вышло». Церковная бюрократия требовала от священников отчитываться за «обращенных» и «возвращенных» в лоно Церкви, но средства для этого священники должны были изыскивать сами. Иногда вмешивалось государство: в 1836 году Туберозов пишет о разрушении по приказу городничего староверческой часовни («Зрелище было страшное, непристойное и поистине возмутительное») и о том, как староверы собрались на ее развалинах для молитвы.

Церковная бюрократия регулярно попросту вымогала у священников деньги — в своем дневнике Туберозов гневно пишет о коррупции, к которой его склоняют: «... всего что противнее, это сей презренный, наглый и бесстыжий тон консисторский, с которым говорится: «А не хочешь ли, поп, в консисторию съездить подоиться?» Нет, друже, не хочу, не хочу; поищите себе кормилицу подебелее». Доносить о проступках священника церковному начальству могут даже его собственные причетники^{*2}, а начальство светское, в свою очередь, относится к священникам без должного почитания.

Из описания семинарского прошлого дьякона Ахиллы, выгнанного за «велико-

^{*1} Консистория — орган управления Русской православной церкви. Учреждался в каждой епархии и подчинялся епархиальным архиереям. Духовная консистория рассматривала дела о богохульстве, незаконных браках, разводах, похищении церковного имущества и др. В случае апелляционных жалоб дела передавались в Синод.

^{*2} Причетник — церковнослужитель. Общее название для всех клириков (дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей), за исключением священника и диакона.

возрасте^{*1} и малоуспешие», можно узнать кое-какие подробности о духовных училищах в России, где были распространены пьянство, кулачные бои и воровство из бедности. Несмотря на все умиление духовенством, Лесков не питал иллюзий о том, как обучали священников. В «Соборях» сочувственно упоминается книга священника Иоанна Белюстина^{*2} «Описание сельского духовенства», где духовные училища изображены «в весьма неприглядных тонах»⁷. Читал Лесков и «Очерки бурсы» Николая Помяловского^{*3} — надевавшее шуму обличение безнравственного и жестокого воспитания, которое предлагалось священническим детям под видом духовного образования. Туберозов, описывая свою неловкость при знакомстве с будущей покровительницей — помещицей Плодомасовой, пишет в дневнике: «В чем эта сила ее заключается? Полагаю, в образовании светском, которым небрегут наши воспитатели духовные».

Много в «Соборях» сказано и о бедности, в которой жили провинциальные

священники, церковнослужители и семинаристы. Савелию Туберозову не на что купить себе новую рясу. В дневнике он пересказывает анекдот о студенте духовной академии, который впоследствии сделался знаменитым проповедником:

Сей будто бы еще в мирском звании на вопрос владыки, имеет ли он какое состояние, отвечал:

— Имею, ваше преосвященство.

— А движимое или недвижимое? — спросил сей, на что он ответил:

— И движимое и недвижимое.

— Что же такое у тебя есть движимое? — вновь спросил его владыка, видя заметную мизерность его костюма.

— А движимое у меня дом в селе, — отвечал вопрошаемый.

— Как так, дом движимое? Рассуди, сколь глуп ответ твой.

А тот, нимало сим не смущаясь, провещал, что ответ его правилен, ибо дом его такого свойства, что коль скоро на него ветер подует, то он весь и движется.

^{*1} Для поступления в первый класс семинарии был установлен возраст от 14 до 18 лет. Учащиеся первых трех классов, показавшие слабые результаты, оставались в том же классе на второй год, поэтому разница в возрасте между одноклассниками иногда могла быть довольно внушительной.

^{*2} Иоанн Стефанович Белюстин (1819–1890) — священник, писатель. Большую часть жизни служил священником Николаевского собора в городе Калязине Тверской губернии. Писал статьи для журналов и газет: «Вестника Европы», «Русского вестника», «Московских ведомостей», «Церковно-общественного вестника». В 1850-е сблизился с историком Михаилом Погодиным, публиковался в его «Москвитянине». В 1858 году одним из друзей Погодина в Европе была издана книга Белюстина «Описание сельского духовенства», без согласия автора и без его подписи. Книга, где рассказывалось об униженном положении сельского духовенства, стала скандально известной в России. В 1879 году из-за статьи о раскольниках Белюстина чуть не лишили сана священника. В последние годы жизни он почти прекратил выступления в печати.

^{*3} Николай Герасимович Помяловский (1835–1863) — писатель. После окончания учебы в Александро-Невском духовном училище написал ряд статей и очерков по теме воспитания, работал в воскресной школе. В 1861 году опубликовал в «Современнике» несколько художественных произведений, в 1862–1863 годах в «Современнике» и журнале «Время» печатались «Очерки бурсы» — книга на основе личного опыта Помяловского в духовном училище. Писатель злоупотреблял алкоголем, скончался от нарыва на ноге, возникшего после припадка белой горячки.

Преподаватели и учащиеся Вятской духовной семинарии. Конец XIX — начало XX века

Владыке ответ сей показался столь своеобразным, что он этого студия за дурня уже не хотел почитать, а напротив, интересуясь им, еще спросил:

— Что же ты своею недвижностью нарицаешь?

— А недвижность моя, — отвечал студент, — матушка моя дьячиха да наша коровка бурая, кои обе ног не двигали, когда отбывал из дому, одна от старости, другая же от бескормицы.

Польский филолог Марта Лукашевич называет ситуацию, показанную в «Соборьях», несоответствием церковной действительности церковному идеалу (за который, конечно, радеет отец Савелий)⁸. Это несоответствие мучительно переживал сам Лесков, и оно толкнуло его на написание таких текстов, как «Мелочи

архиерейской жизни» и «На краю света», где критика церковных порядков еще явственней, чем в «Соборьях».

ПОЧЕМУ ПРОТОПОП САВЕЛИЙ ВСЕ ВРЕМЯ С КЕМ-ТО БОРЕТСЯ?

Несмотря на все невзгоды и опалу со стороны властей предержавших, священник остается для простых мирян авторитетом и заступником: доброго Савелия называют «поп велий», прося обходить дома прихожан и молиться о ниспослании дождя. Сам он по неумности характера постоянно ввязывается в борьбу за веру — и терпит одно поражение за другим. Заканчивается ничем его попытка основать в губернии общества

трезвости^{*1}, а противостояние учителю-нигилисту Препотенскому власти не принимают всерьез. В то самое время, как вокруг Туберозова затягивается «длинная петля» чужих интриг, протопоп попадает в страшную грозу, которая чуть не губит его. Спасшись, он принимает это за знамение — и возвращается в город, чтобы отслужить торжественную литургию и уязвить сердца «торгующих во храме». Последнюю проповедь Туберозова народ — «чернь» — принимает с восторгом, а «старгородская интеллигенция», разумеется, в штыки. За протопопом по доносу провокатора Термосесова «выезжают» — увозят под конвоем давать объяснения в губернский город. За дерзкие ответы его в конце концов запрещают в служении, и вскоре он умирает.

После смерти протопопу удается победить своих врагов: к похоронам поспевает новость о том, что запрещение с него снято, и Туберозова хоронят в полном облачении. Мелкие бесы романа продолжают пакостить ему: комиссар^{*2} Данилка пытается осквернить громадный надгробный памятник, который на собственные средства, продав все свое имущество, установил дьякон Ахилла. Но памяти о протопопе это никак не вредит — наоборот, будто сообщает ей дополнительную агиографическую ценность.

Биография Савелия и впрямь превращается в житие, у которого есть очевид-

ный претекст. В «Божедомах», ранней редакции «Соборян», во время грозы перед Туберозовым предстает протопоп Аввакум, чье житие отец Савелий внимательно и сочувственно читает, и произносит: «Встань и смотри! Встань и смотри» (как в пушкинском «Пророке»: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли»). Хотя Савелий должен бороться со старообрядцами, по большому счету он заодно с Аввакумом «за старую Русь». Из итоговой версии мистическая встреча с Аввакумом исчезает, но, попав в опалу, Туберозов прямо говорит жене: «...жизнь уже кончена; теперь начинается “житие”».

Борьба Савелия с раскольниками, поляками, нигилистами живо напоминает еще об одной книге, косвенно упоминаемой в «Соборьях», — «Дон Кихоте» Сервантеса. Протопоп донкихотствует, сражается с ветряными мельницами, закономерно проигрывает — и обретает литературное бессмертие. Не сворачивающий со своего пути, несмотря на преграды, Туберозов — один из тех праведников, которые всегда восхищали Лескова, в каком-то смысле идеальный лесковский герой: находясь на своем месте, он делает то, к чему призван. По формулировке из другого лесковского романа, «Захудалый род», он, «имея высокий идеал, ничего не уступает условиям времени и необходимости».

^{*1} Первые общества трезвости начали возникать в конце 1850-х годов при приходских храмах. Общества под руководством епархиальных архиереев занимались утверждением здорового образа жизни и духовным просвещением населения. В 1859 году Святейший синод поддержал священнослужителей указом: «...живым примером собственной жизни и частым проповедованием в Церкви Божией о пользе воздержания содействовать возникшей в некоторых городских и сельских сословиях решимости воздерживаться от употребления вина...»

^{*2} В романе «Божедомы» на вопрос, почему Данилку называют комиссаром, Омнепотенский (будущий Препотенский) отвечает: «А кто его знает почему. Так его все зовут: он по комиссии городничего у его тестя лошадь для смеху ходил красть, да его так крапивой высекли».

Хотя, конечно, возможно и другое суждение о протопопе Туберозове. Благопристойное и полное здравого смысла. Подобно тому, как Дон Кихота объявляли сумасшедшим, один из героев «Соборян» в лицо называет протопопу маньяком.

Кстати, это одно из первых употреблений слова «маньяк» в русской литературе: за несколько лет до Лескова его употреблял Герцен, перед которым Лесков когда-то преклонялся, а одновременно с Лесковым — Достоевский в «Бесах».

ПОЧЕМУ У ГЕРОЕВ ТАКИЕ НЕОБЫЧНЫЕ ФАМИЛИИ И ЧТО ОНИ ЗНАЧАТ?

Говорящие имена — частый прием у Лескова. Имя главного героя «Соборян» Савелия Туберозова — сочетание «Савла» (не первого имени апостола Павла, а святого мученика Савла Персиянина⁹ — страдания ждут и его лесковского тезку) и типичной семинарской фамилии: в духовных училищах вновь прибывшим часто нарекали новые фамилии в честь церковных праздников, «высоких свойств духа», символически значимых для христианства цветов и плодов и т.д. Подробностей о таком наречении полны бурсацкие воспоминания. Ночной цветок тубероза, как считает комментатор «Соборян» Татьяна Ильинская, может указывать на «ночные бдения Туберозова над его дневником», сам выбор цветка — на его «способность отзываться на красоту»¹⁰. Имя Захарии Бенефактова — тоже «говорящее»: исследовательница лесковской ономастики Виктория Вязовская

связывает его с Захарией из Нового Завета (этот святой, отец Иоанна Крестителя, не поверил, что у его престарелой жены Анны родится сын, за что Бог временно наказал его немотой; «заикается перед старшими» и лесковский Захария)¹¹. Семинарская же фамилия Бенефактов означает «делающий добро». Наконец, и имя, и фамилия дьякона-богатыря Ахиллы Десницына связаны с мотивом силы: этот герой, хоть и назван в честь преподобного Ахилы Печерского, гораздо больше похож на древнегреческого Ахилла.

Имена и фамилии других героев также значимы: к семинарскому образованию и пародийно понятому могуществу отсылает имя учителя Варнавы Препотенского; явно комичным — по несоответствию персонажу — выглядит имя исправника^{*1} Воина Порохонцева; по наблюдению исследовательницы Ольги Красниковой, имя и отчество Марфы Андреевны Плодомасовой подчеркивает ее характер (Марфа — «хозяйка», «госпожа», Андрей — «мужественный»)¹². Даже в имени исправничьего слуги Комаря исследователи усматривают отсылку к диалектному обозначению муравья¹³ — таким образом Лесков подчеркивает трудолюбие этого персонажа.

А вот фамилии двух главных отрицательных героев «Соборян» — князя Борноволокова и его секретаря Измаила Термосесова — трактуются не так однозначно. Обе фамилии, как пишет Ильинская, не выдуманы Лесковым, «хотя и исключительно редки»¹⁴. Фамилия первого происходит от слова «борноволок», то есть юноша, «правлящий лошадью в бороньбе», или растение пырей, «коего долгие коре-

^{*1} Глава полиции в уезде.

ня ввязнут в борозде» (из словаря Даля); второе толкование, пожалуй, вернее, поскольку появление князя оказывается роковым событием для старгородского духовенства. А Термосесов — русифицированная армянская фамилия Тер-Мовсесян. У Термосесова действительно «будто армянский нос», а вдобавок армянские фамилии с приставкой «Тер-» были священническими. Это немаловажный штрих: как и многие нигилисты-революционеры, Термосесов происходит из духовенства (что подтверждается, когда он произносит классическую семинарскую угрозу: «Я тебе, бездельнику, тогда всю рожу растворожу, щеку на щеку помножу, нос вычту и зубы в дробь превращу!»). Двойственность духовенства, которое само возвращает в себе своих врагов, — важная тема для Лескова.

ПОЧЕМУ ЛЕСКОВ СДЕЛАЛ СВОИХ СОБОРЯН ТАКИМИ РАЗНЫМИ?

Тройственность в системе персонажей — черта не только «Соборян»: по наблюдению Льва Аннинского, той же схемой Лесков пользуется в рассказе «На краю света»¹⁵. Разумеется, такая тройственность — отсылка к фольклору, к сакральному значению числа 3, столь важному для «старой сказки», с которой Лесков сопоставляет еще не погибший мир старгородского духовенства. Важна не только тройственность, но и то, что три главных персонажа — Савелий Туберозов, Ахилла Десницын и несколько теряющийся на их фоне Захария Бенефактов — воплощают совершенно разные качества, которыми богато русское священство. Причем речь не только о достоин-

ствах, но и о недостатках. Савелий мудр, готов страдать и яро бороться за веру — но в своей борьбе горделив; Ахилла просто-душен и истово верует, но ни в чем не знает меры и удержу; Захария добр и кроток — но почти что бесхарактерен.

Разность характеров лесковских героев подчеркивается разностью их жилищ: дом отца Туберозова — маленький, красивый, чистый, крепкий и украшенный резьбой, дом отца Бенефактова — большой и не слишком опрятный из-за того, что в нем множество детей (Бенефактов многочаден, Туберозов бездетен); дом Ахиллы — «мазаная малороссийская хата» с аскетическим убранством (Ахилла происходит из малороссийских казаков). Работает на ощущение разности и разнообразия этих характеров и речевая характеристика — торжественная и патетическая речь Туберозова противопоставлена народной, часто панибратской и уж совсем не книжной речи Ахиллы.

Вообще описания Ахиллы (насчет которого Лесков справедливо опасался, что он перетягивает на себя читательское внимание) заставляют вспомнить еще один фольклорный жанр — былину. Ахиллу, обладающего недюжинной силой, Лесков часто называет богатырем, и, если сравнивать его с былинными богатырями, лучше всего подойдет Алеша Попович — младший из всех богатырей, часто неразумный и склонный к горячности. Ахилла может, например, принять участие в сельском балагане, ввязаться в кровопролитие из-за ягод калины, отомстить духовному цензору, «привязав его коту на спину колбасу с надписанием: «Сию колбасу я хозяину несу» и пустив кота бегать с этой ношей по монастырю». Ахилла способен, исчер-

Сильный богатырь Алеша Попович.
Гравюра на дереве. XVIII век

пав аргументы, посадить оппонента на высокий шкаф и даже начать утверждать (соблазнившись беседами с петербургскими «литератами»), что Бога нет, — и все это совершенно искренне. Прозвище Попович вдобавок указывает на происхождение из духовенства. Впрочем, как раз Алеша Попович не отличается физической силой — это качество у Ахиллы от кого-то из других русских богатырей. Кстати, с витязем, «ратаем веры», в знаменитой сцене грозы сопоставляет себя и Туберозов¹⁶.

ГДЕ НАХОДИТСЯ ГОРОД СТАРГОРОД?

Само название «Старгород» (он же Старгород и Старый Город — в тексте есть вариации) уже говорит о лесковской

установке на консерватизм, на «особую поэзию старины и старинного патриархального уклада»¹⁷. В первом варианте «Соборян» — «Чающие движения воды» — есть подробное описание Старгорода с «узкими улицами, типической русской постройки домами» и указано, что со стороны город похож на «волшебный городок Гвидона» из пушкинской «Сказки о царе Салтане». Из более поздних редакций это описание пропало. Как замечают комментаторы Лескова, идеализированный Старгород — один из часто встречающихся в русской литературе «сборных городов» (по слову Гоголя). У него нет отчетливого прообраза, хотя некоторые черты роднят его с Орлом, в котором Лесков жил, и Мценском, в котором он бывал (вспомним гораздо более мрачную «Леди Макбет Мценского уезда»). В «Соборянах» сказано, что Старгород стоит на реке Турце. В России есть две реки с таким названием, но ни одна из них не протекала через Орловскую губернию.

Спустя больше чем полвека название Старгород у Лескова позаимствуют для «Двенадцати стульев» Ильф и Петров. В их Старгороде будет царить уже не идиллическое благолепие, а провинциальная суета.

ПОЧЕМУ «СОБОРЯН» ЧАСТО СРАВНИВАЮТ С АНГЛИЙСКИМИ РОМАНАМИ О СВЯЩЕННИКАХ?

Это сравнение напрашивается прежде всего потому, что в классической английской литературе священник — это образ разработанный и традиционно вызываю-

щий сочувствие, по крайней мере со времен романа Оливера Голдсмита*¹ «Векфильдский священник», где, как и у Лескова, описан гонимый праведный священнослужитель. Кроме романа Голдсмита «Соборьян» неоднократно сопоставляли с «Барчестерским циклом» Энтони Тrolлопа*², созданным в 1850–1860-е. «Русским Барчестером» называл Старгород еще Дмитрий Святополк-Мирский, впрочем уточнявший, что любую другую лесковскую вещь, кроме «Соборьян», с Тrolлопом сравнивать нелепо¹⁸. Романы Тrolлопа издавались в России в середине XIX века и были знакомы Лескову.

В статье исследовательницы Варвары Бячковой проводится сравнительный анализ текстов Лескова и Тrolлопа: оба писателя тяготеют к «хроникальной» форме, оба относятся к своим героям с «нескрываемой симпатией»; и у Лескова, и у Тrolлопа священники вступают в конфликт с не понимающим их ревностной веры миром; у обоих смерть главного героя означает конец старого мира и наступление новой эпохи¹⁹. Вместе с тем налицо и различия, в первую очередь в самой фактуре: быт англиканского священника, «мало чем отличающийся» от светского быта его прихожан, не слишком похож на быт священника православного. Другие классические английские тексты, с которыми сравнивают «Соборьян», — цикл рассказов «Сцены из клерикальной жизни»

Джордж Элиот, чью прозу Лесков также читал. Английская писательница, как и Лесков, показывает «многочисленные тяготы жизни простых священнослужителей» и их стремление «усовершенствовать дела Церкви, улучшить жизнь своих прихожан, внушить им высокие нравственные истины»²⁰ — эти желания прихожане, как и у Лескова, встречают без понимания, а священники, в свою очередь, готовы бороться за них до конца. И Лесков, и его английские коллеги реагируют в первую очередь именно на слом эпохи, ощутимую смену отношения общества к прежнему укладу — это сходство тенденций при различных исторических обстоятельствах.

С английской литературой «Соборьян» связывают и другие мотивы. В беспокойные 1860-е протопоп Туберозов вспоминает «Тристрама Шенди» Лоренса Стерна: «...заключаю, что по кончании у нас сего патентованного нигилизма ныне начинается шандиизм» — то есть эпоха, в которую, по выражению Стерна, все «непрестанно как в шутку, так и всерьез смеются». Речь о том, что основным общественным умонастроением становится цинизм, о том, что всякая духовная борьба и искренние порывы в этом цинизме увязают. Много лет спустя нечто подобное Герман Гессе назовет в романе «Игра в бисер» «фельетонной эпохой» — часто идею Гессе воспринимают как предсказание постмодернистского морального релятивизма. Если учесть, что

*¹ Оливер Голдсмит (1730–1774) — английский прозаик, поэт и драматург ирландского происхождения. Стал известен благодаря сатирическим очеркам «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке». В 1766 году Голдсмит опубликовал роман «Векфильдский священник», имевший большой успех у читателей.

*² Энтони Тrolлоп (1815–1882) — английский писатель. Успех пришел к нему после публикации романа «Смотритель», положившего начало циклу «Барсетширские хроники» (в другом переводе — «Барчестерские»; посвящен жизни англиканских священников).

произведения Стерна нередко называют «постмодернизмом до постмодернизма», жалобы доброго консерватора Туберозова становятся понятны. «Стернианским отражениям» в «Соборях» посвящена диссертация филолога Инны Овчинниковой, считающей, что, отталкиваясь от стернианского способа повествования, Лесков достигает собственного баланса трагического и комического (связанного с «алогизмом русской реальности пореформенного времени») ²¹. В другой работе Овчинникова замечает, что в «Демикотоновой книге» — дневнике отца Савелия — есть целая страница, залитая черными чернилами (из-за оплошности, вызванной сильным волнением). Такая же «черная страница» есть в «Тристрате Шенди» ²² — Лесков, таким образом, мог помнить о яркой детали, «подцвечивающей» текст.

КАКУЮ РОЛЬ В РОМАНЕ ИГРАЕТ ПРОТОПОПИЦА НАТАЛЬЯ?

Всегда готовая услужить своему мужу, обласкать его, приготовить ему постель и трапезу, «не слышащая в нем души» протопопица Наталья — пример идеальной, кроткой, жертвенной, истинно христианской любви. «Поведайте мне времена и народы, где, кроме святой Руси нашей, рождаются такие женщины, как сия добродетель?» — записывает в своем дневнике отец Савелий, когда жена, горя о своей бездетности, спрашивает мужа: не было ли у него до брака незаконнорожденных детей, чтобы они могли воспитать их. Ни священники Савелий и Захария, ни дьякон Ахилла, при всей авторской и читатель-

ской любви к ним, не идеальны — у каждого из них свои недостатки. Упрекнуть протопопицу совершенно не в чем — разве только в том, что она «светит отраженным светом».

Литературным прототипом Натальи Туберозовой можно счесть Анастасию Марковну — жену протопопа Аввакума. Знаменитый диалог из аввакумовского «Жития» («Долго ли муки сея, протопоп, будет?» — «Марковна, до самых смерти!» — «Добро, Петрович, ино еще побредем») прекрасно подходит и к отношениям супругов Туберозовых. Когда отец Савелий попадает в очередную, роковую для него, опалу, его жена приезжает ухаживать за ним, заболевает и умирает. Сцена кончины протопопицы — одна из самых трогательных в русской литературе. Пожалуй, именно здесь — катарсис «Соборян».

ЗАЧЕМ В «СОБОРЯНАХ» ОЧЕРК «ПЛОДОМАСОВСКИЕ КАРЛИКИ»?

Боярыня Марфа Андревна Плодомасова — своенравная, любящая прямоту и честность старуха, реликт прошлого столетия — появляется в романе в дневнике Савелия Туберозова. Когда он произносит проповедь, снискавшую неудовольствие начальства, к нему приезжает странный гость — карлик Николай Афанасьевич, слуга Плодомасовой. Он просит священника пожаловать к своей хозяйке: та хочет познакомиться с «умным попом, который... приобьик правду говорить». Плодомасова становится покровительницей отца Савелия. В мире «Соборян» она — хранилище устоев; ее все уважают и немного боятся. В классической

русской прозе есть несколько таких эксцентричных, грозных, но добрых старух: Марья Дмитриевна Ахросимова в «Войне и мире» Толстого, Татьяна Марковна Бережкова в «Обрыве» Гончарова, да и у самого Лескова такой персонаж еще раз появляется в «Захудалом роде» — это княгиня Протозанова. По воспоминаниям Лескова, прототипами обеих героинь были его родная тетка Наталья Петровна Алферьева и знакомая ему старая помещица Настасья Сергеевна Масальская — последняя тоже держала в услужении карлика.

Линия Плодомасовой для романа очень важна, но ее слугам-карликам, брату и сестре Николаю Афанасьевичу и Марье Афанасьевне, Лесков уделяет особое внимание. Здесь нам приходится коснуться непростых вопросов лесковской текстологии. Работая над своим *opus magnum*, Лесков использовал для него ранее написанные тексты, в том числе часть произведения «Старые годы в селе Плодомасове». «Старые годы», задуманные еще в конце 1850-х и законченные в 1869-м, — большая хроника из трех очерков, в которых описана жизнь Марфы Андревны. Третья часть этой хроники — собственно «Плодомасовские карлики» — была отдельно опубликована в «Русском вестнике» в 1869 году, а потом попала в «Соборян» с некоторыми изменениями. Лескову пришлось объясняться с читателями «Соборян», которые ждали появления полюбившихся им карликов: «Воспоминая читателями прежде напечатанный отрывок принадлежит ко второй, а не к первой части романа, и затем главнейший из карликов (Николай Афанасьевич) продолжает быть действующим лицом до самого конца повествования».

Обещание Лесков сдержал: Николай Афанасьевич остается в «Соборьях» важным героем. Именно в его рассказах о прошлом в Плодомасове появляется тот самый лесковский сказ, которым писатель так любил излагать удивительные биографии. Николай Афанасьевич — литературный родич героев «Очарованного странника» и «Тупейного художника», его рассказы об общении на балу с императором Александром I и о том, как его хозяйка мечтала женить его на другой, так сказать, конкурирующей карлице, — та подлинно русская эксцентрика, которая граничит с дикостью и по которой, однако, Лесков умиленно вздыхает (а мы этой эмоцией заражаемся), та «старая сказка», с которой протопоп Туберозов призывает жить в ладу. Экзальтация Ахиллы, который сажает карлика к себе на ладонь, и причуды старой Плодомасовой — все это не выглядит в контексте романа оскорбительно и характеризует простодушие героев. Впрочем, этим роль Николая Афанасьевича не ограничивается: он остается другом и помощником отца Савелия, хлопочет, чтобы его опала была смягчена, а когда запрещенный в служении протопоп умирает, Николай Афанасьевич привозит к его похоронам разрешение от этого запрета, благодаря чему Туберозова хоронят в полном облачении, со всеми полагающимися почестями.

ВАРНАВА ПРЕПОТЕНСКИЙ — КАРИКАТУРА НА НИГИЛИСТА?

Варнава Препотенский — учитель и лютей враг протопопа Савелия и дьякона Ахиллы. В начале романа мы узнаем о его ужасном поступке: он «сварил в котле че-

ловека», то есть тело утопленника, чтобы извлечь из него скелет и использовать его как анатомическое пособие. Это приводит Ахиллу, да и все старгородское священство в ужас и возмущение. Война с Препотенским начинается как анекдот, но вскоре у Варнавки появятся влиятельные союзники, и дело примет совсем не шуточный оборот.

Случай со скелетом Лесков взял из газетной хроники и очень сильно утрировал: в романе он явно пародирует просветительский позитивизм и материалистические взгляды «новых людей» — вспомнить хотя бы тургеневского Базарова с его убиенными лягушками и разговорами об анатомии глаза. Собственно, Препотенский — это «новый человек», прочитавший Тургенева: раздосадованный небрежением прессы к просвещению, он спрашивает, «зачем же они в таком случае манили нас работать над лягушкой», а в другом месте цитирует роман «Дым» (который, кстати, в 1865 году еще не вышел).

Базаров сам слегка пародиен (за что Тургеневу крепко досталось от нового человека Антоновича и всей прогрессивной молодежи 1860-х), но на фоне тех взглядов, с которыми ассоциировался Лесков, «Отцы и дети» выглядели прямо-таки революционной пропагандой. Дело в том, что писательская карьера Лескова была омрачена неудачным журналистским опытом (статьей о петербургских пожарах 1862 года) и историей с его первыми романами — «Некуда» и «На ножах» (последний создавался и печатался одновременно с «Соборьями»). Эти романы, где нигилисты описывались безо всякой симпатии — как опасные смутьяны и прохиндеи, вписались в «антинигилистическую

тенденцию» и поставили Лескова в контекст, которого он вовсе не заслуживал: писателя прямо обвиняли в работе на Третье отделение. Лесков славился упрямством — и то, что в «Соборьях» он опять выводит на чистую воду нигилистов, хорошо рисует его характер.

Стоит заметить, что имя и фамилия Варнавы Препотенского — подчеркнуто поповские. Имя Варнава носил один из апостолов от семидесяти, и в его честь были наречены многие известные церковные деятели. Латинское *praepotēns* означает «очень мощный» («вельми мощный», сказал бы священник) — такими «латинскими» фамилиями любили нарекать в духовных училищах. Варнавка Препотенский — сын просвирни, а отцом его был священник. Окончив семинарию с отличием, Препотенский отказывается становиться священником, поскольку «не хочет быть обманщиком». До дикой истории со скелетом его борьба с клерикализмом, в сущности, детские шалости — он обманом заставляет протопопа Савелия отслужить панихиду по декабристам и поднабивает учеников задавать священникам каверзные вопросы: «Этот глупый, но язвительный негодяй научил ожесточенного лозами Алешу Лялина спросить у Захарии: «Правда ли, что пьяный человек скот?» — «Да, скот», — отвечал ничтоже сумняся отец Захария. «А где же его душа в это время, ибо вы говорили-де, что у скота души нет?»

Так что да, Препотенский — нигилист в специфическом лесковском понимании. В отличие от тургеневского Базарова, который «решил ни за что не приниматься», он как раз человек деятельный — он школьный учитель и тем самым более

опасен. В самом по себе учении ничего дурного нет, и вряд ли Лесков полагал, что не следует изучать человеческую анатомию. Опасность — в том пренебрежении, которое Препотенский проявляет по отношению к заповедному миру духовенства: именно из этого зерна нигилизма произрастает катастрофа, которая в конце концов погубит старгородский причт.

То, что в церковной среде появлялось множество атеистов и революционеров, сохраняющих религиозный пыл, но сменивших содержание своей проповеди, не составляло секрета уже в середине XIX века — об этом писал, в частности, Помяловский; другой бывший бурсак, публицист-социалист Григорий Елисеев, говорил о «бегстве семинаристов» (в конце 1870-х «46% всех студентов составляли бывшие семинаристы»²³). Татьяна Ильинская пишет о «пародийном апостольстве» Препотенского и сближает его фамилию (в первом варианте «Соборян» его звали Омнепотенский) с «потом», фразеологизмами вроде «в поте лица своего». Подобная ложная этимология — вполне в духе Лескова, достаточно вспомнить знаменитый «буреметр» из «Левши».

ЗАЧЕМ В ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ХРОНИКИ ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ ПИРА У ПОЧТМЕЙСТЕРШИ?

Этот пир имеет определенное значение для сюжета. На нем появляется петербургская дама госпожа Мордоканаки — очередная ономастическая шпилька Лескова: комментатор «Соборян» Илья

Серман считает, что это намек на откупщика и золотопромышленника Дмитрия Бенардаки²⁴, прототипа Костанжогло из второго тома «Мертвых душ»²⁵. У этой дамы старгородское общество хочет просить заступничества за опального протопопа Туберозова. Вечер заканчивается скандалом опять-таки в гоголевском духе: подначиваемый Ахиллой, учитель Препотенский дергает за ус капитана Повердовню, и начинается свалка; в финале Препотенского еще и избивает почтмейстерша, после чего он навсегда бежит из города. Впоследствии он станет редактором журнала и женится на петербургской барышне, которая будет его бить. Так комическим крахом завершается его сюжетная линия в «Соборянах» (до этого такой же крах постиг кости несчастного утопленника, за которые Препотенский воевал ради науки: их выбросили «в такое место, что теперь нет больше никакой надежды»).

Но есть у сцены пира, занимающей восемь глав, и еще одна функция: это как бы интермедия между событиями первых частей «Соборян» и финальной, самой трагичной и возвышенной частью. Перед рассказом о кончине протопопицы Натальи, протопопа Туберозова и других центральных героев Лесков показывает веселую беседу с анекдотами, байками и наивными стихами, очередные выходки простодушного Ахиллы, глупость Препотенского и небольшой скандал. Можно подобрать этому отдаленную аналогию в литературе XX века — в «Мастере и Маргарите» Булгакова: последние похождения Коровьева и Бегемота в Москве перед тем, как свита Воланда покидает Москву, а Мастер отпускает на свободу своего героя.

ЧТО ЛЕСКОВ ИМЕЕТ ПРОТИВ ПОЛЯКОВ?

«Польский вопрос», как и нигилисты, — болезненная тема для Лескова и одна из причин неоднозначной прижизненной репутации писателя. Польское восстание 1863 года^{*1} — среди сюжетных линий романа «Некуда», и даже при издании этого романа издателями были сделаны купюры; польские сцены цензурировались и в последующих переизданиях — недовольный этим Лесков признавал, что они «обидны для поляков». Тема польского восстания возникает и в романах «На ножках» и «Обойденные».

В «Соборях» поляки — одна из постоянных забот протопопа Савелия. Он выходит из себя, получив выговор от чиновника-поляка; со своей благодетельницей Плодомасовой рассуждает о том, что «войска наши... по крайней мере удерживают поляков, чтоб они нам не вредили»; в 1846-м, после неудачного восстания в Кракове^{*2}, беспокоится о том, что к ним в город ссылают поляков. Эти ссыльные поляки будут досаждать Савелию — смеяться над православной верой, саботировать панихиду по убиенным воинам, и священник пойдет на нечто, вообще говоря, противное его убеждениям: «Чего сроду не хотел сделать, то ныне сделал: написал на поляков порядочный донос, потому что они превзошли всякую меру». Донос возымеет действие: поляков переведут на другое место жительства, но именно с этого

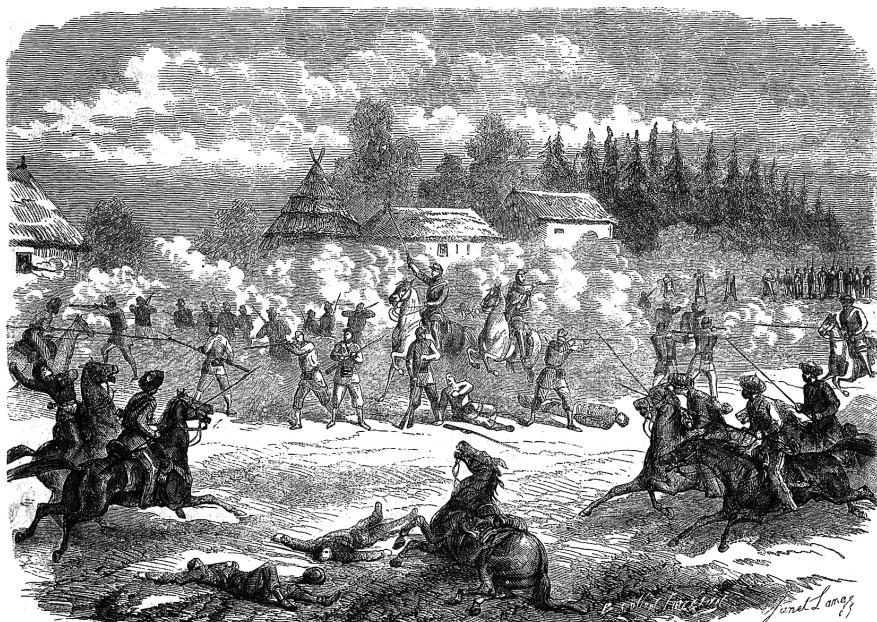
начнется конфликт отца Савелия с «либеральной» и вздорной чиновницей Бизюкиной, который сыграет в его жизни скверную роль.

При этом в случае Лескова нельзя говорить о полонофобии, свойственной, например, Достоевскому. Лесков превосходно владел польским языком, дружил и переписывался со многими польскими литераторами. Исследователи говорят о «симпатиях Лескова к Польше», правда, в контексте «идей славянской взаимности». В 1863-м, в разгар антипольской кампании в российской прессе, выходит повесть Лескова «Житие одной бабы» с посвящением одному из польских друзей — поэту и прозаику Винценту Коротыньскому («Викентию Коротыньскому»). Да и в «Соборях» с поляком Чемерницким — одним из тех, на кого Туберозов донес, — священник через некоторое время мирится и просит у него прощения. Чемерницкий, в свою очередь, будет хлопотать о награде для Туберозова. В последней части «Соборян» дьякон Ахилла вспоминает, как его, когда он сболтнул лишнего в кабаке, выручил местный начальник тайной полиции — тоже поляк: «Поляк власти не любит, и если что против власти — он всегда снисходительный».

Здесь можно вспомнить, что и в «Некуда» революционер Райнер, отправляющийся воевать за свободу Польши, — единственный симпатичный персонаж из всех нигилистов и социалистов: он не болтает, а занимается тем, во что верит;

^{*1} Восстание началось в январе 1863 года, его целью было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. Окончилось в июне 1864 года поражением повстанцев и ужесточением антипольской политики в Российской империи.

^{*2} Восстание в Кракове началось 21 февраля 1846 года, закончилось поражением повстанцев уже 4 марта.

Битва при Загурове во время Польского восстания 1863 года

в конце романа его казнят. Таким образом, и отношение Лескова к революционерам вообще — амбивалентное: например, до начала работы над «Некуда» он восхищался талантом Герцена и искал с ним встречи. В «Соборях» газету «Колокол» (причем еще до выхода ее первого номера — это один из лесковских анахронизмов) с интересом, но и поеживаясь «по непривычке к смелости» читает протопоп Савелий Туберозов.

КТО ТАКОЙ ИЗМАИЛ ТЕРМОСЕСОВ?

Человек со странной, на слух старгородских обывателей, фамилией Термосесов приезжает в Старгород вместе с ревизором — петербургским князем Борноволоковым. Термосесов — секретарь князя, но играет

куда более важную роль, чем его патрон. Лесков утрирует ситуацию гоголевского «Ревизора»: Термосесов — это Хлестаков 1860-х годов, мнимый ревизор при настоящем, но, в отличие от Хлестакова, циничный, опасный и злонамеренный.

Сходство с гоголевским героем Лесков подчеркивает: например, Термосесов пишет письмо несуществующему приятелю, чтобы проверить, действительно ли почтмейстерша вскрывает письма. Термосесовское письмо с издевками над старгородским обществом устроено по образцу послания Хлестакова «душе Тряпичкину». Но этим дело не ограничивается. Сам бывший нигилист («по какой-то студенческой истории в крепости сидел»), Термосесов знает, что Борноволоков в молодости входил в круги революционеров, и шантажирует его, ожидая случая как-то проявить себя

(по собственному признанию, он предлагал себя и в шпионы, но «с нашим нынешним реализмом-то уже все эти выгодные вакансии стали заняты»). Борноволоков вынужден подписать донос на протопопа Туберозова, который ни ему, ни Термосесову ничего плохого не сделал. При этом, как ни странно, «в Термосесове была даже своего рода незлобивость... <...> ...каждый человек выскакивал пред ним, как дождевой пузырь или гриб, именно только на ту минуту, когда Термосесов его видел, и он с ним тотчас же распоряжался и эксплуатировал его самым дерзким и бесцеремонным образом» — «темный» вариант хлестаковского легкомыслия.

Обладая травестийно уродливой внешностью («При огромном мужском росте у него было сложение здоровое, но чисто женское: в плечах он узок, в тазу непомерно широк; ляжки как лошадиные окорока, колени мясистые и круглые; руки сухие и жилистые; шея длинная, но не с кадыком, как у большинства рослых людей, а лошадиная — с зарезом*¹; голова с гривой взмет на все стороны; лицом смугл, с длинным, будто армянским носом и с непомерною верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю»), он моментально влюбляет в себя глупую чиновницу Бизюкину (лесковский вариант тургеневской Кукушкиной). Бизюкина, ожидая важных гостей, строит из себя нигилистку, делает вид, будто обучает грамоте крестьянских детей, и сообщает прислуге, что всех господ скоро «топорами порежут». Термосесов высмеивает все ее благие помыслы: «Да, и на кой черт она нам теперь, революция, когда и так без револю-

ции дело идет как нельзя лучше на нашу сторону» — а под шумок ворует у нее бриллиантовое кольцо. Все это совпадало с лесковскими воззрениями на нигилистов конца 1860-х, уже не Базаровых и Рахметовых, а «просто мошенников», не верящих ни в какие идеалы.

Таким образом, Термосесов — еще один типичный для лесковской прозы возмутитель спокойствия: inferнальная внешность, аморальные поступки, тяга к наживе — ни дать ни взять сегодняшняя пропагандистская карикатура на либерала. Важно, что этот персонаж — «мелкий бес»: его трикстерство выражается, например, в такой записи в дамском альбоме:

На последнем сем листочке
Пишем вам четыре строчки
В знак почтения от нас.
Ах, не вырвало бы вас?

Лесков здесь пародирует типичную альбомную запись XIX века: «На последнем я листочке / Напишу четыре строчки / В знак дружества моего, / Ах, не вырвите его».

Но не менее важно, что этот «мелкий бес», соединив свои усилия с такими же, способен погубить людей добрых и, казалось бы, крепко стоящих на земле. Он заставляет Борноволокова отправить донос на протопопа Туберозова — после этого священника запрещают в служении, и вскоре протопоп умирает. Несмотря на то что и на Термосесова есть проруха (поступив в тайную полицию, он «стал фальшивые бумажки перепускать и... в острог сел»), нанесенный им вред непоправим.

*¹ Зарез — складка позади шеи у лошади.

«СОБОРЯНЕ» —
ТО КОМИЧЕСКАЯ ИДИЛЛИЯ,
ТО ВЫСОКАЯ ТРАГЕДИЯ.
ПОЧЕМУ ТАК?

«Соборяне» начинаются как идиллия, вполне в гоголевском духе (можно вспомнить начала «Тараса Бульбы» и «Старо-светских помещиков») — и до поры до времени регулярно сворачивают на идиллическую дорогу. Например, в первой части шестой главы неожиданно начинается какой-то готический ужас: описываются приходящие к берегам реки страшные и загадочные фигуры. Немного погодя выясняется, что это просто купальщики, привыкшие освежаться на рассвете. В этом эпизоде, кстати, завязывается один из узловков будущего конфликта: лекарь шутя просит дьякона Ахиллу объяснить, где у него астрагелюс, а Ахилле в этом латинском названии щиколотки слышится что-то ужасно неприличное. Безобидный «астрагелюс» действует на него так же, как слово «гусак» на Ивана Ивановича из гоголевской повести.

Однако фигура протопопа Туберозова неуклонно меняет лесковский тон: несмотря на обилие комических деталей, к концу «Соборяне» все ближе к житию и все торжественнее звучит авторский голос, разговаривающий с читателем будто из-за стены повествования. Вот, например, слова о дьяконе Ахилле, который кается в кратком помутнении веры:

Над Старым Городом долго неслись воздыхания Ахиллы: он, утешник и забавник, чьи кантаты и веселые окрики внимал здесь всякий с улыбкой, он сам, согрешив, теперь стал молитвенником,

и за себя и за весь мир умолял удержать праведный гнев, на нас движимый!

О, какая разница была уж теперь между этим Ахиллой и тем, давним Ахиллой, который, свистя, выплыл к нам раннею зарей по реке на своем красном жеребце!

Тот Ахилла являлся свежим утром после ночного дождя, а этот мерцает черным закатом после дневной бури.

Следующая вскоре за этим кончина Туберозова и вовсе не оставляет места для комико-идиллических нот: герои разговаривают друг с другом торжественно, почти по-церковнославянски, утверждая высшую справедливость всего произошедшего. Так же торжественны сцены, в которых Ахилла читает над протопопом заупокойные молитвы — и получает видение: «В ярко освещенном храме, за престолом, в светлой праздничной ризе и в высокой фиолетовой камилавке стоит Савелий и круглым полным голосом, выпуская как шар каждое слово, читает: «В начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово». Первые слова Евангелия от Иоанна приближают усопшего протопопа к самой вершине, к Божию престолу, к первоначалу вещей, о котором он еще недавно толковал с дьяконом. Ревность Ахиллы к памяти покойного протопопа переходит все возможные границы: ничего не делая наполовину, дьякон до самого конца обладает страстью неопита. Он как будто «очарован», если воспользоваться лесковским словом.

Все это опять же можно сравнить с эволюцией Гоголя, который из комика задумал сделаться христианским проповедником. (Филолог Валентин Хализев

подтверждает, что «наиболее важным “источником” лесковской темы праведничества был поздний Гоголь»²⁶.) Только у Лескова одно намерение переходит в другое плавно, в рамках одного произведения, как часть замысла. И для соблюдения стилистического баланса Лесков завершает «Соборян» последним подвигом Ахиллы — опять-таки в духе Гоголя, но Гоголя раннего, времен «Диканьки»: Ахилле удается поймать переодетого «черта», в шубе и с рогами, который оскверняет памятник Туберозову. Этот подвиг стоит Ахилле жизни — он (новая смена интонации) подхватывает горячку и умирает «в агонии не столько страшной, как поражающей». В предсмертном бреде ему удается победить какого-то «огнелицега» врага. Этот последний аккорд окончательно убеждает, что «Соборяне» — не идиллия, не комедия, не трагедия, а полифоническое произведение, все повороты которого объединены будто бы нейтральным авторским определением жанра: хроника.

ПОЧЕМУ «СОБОРЯНЕ» — НЕ РОМАН, А ХРОНИКА?

Исследователи часто называют «Соборян» романом или романом-хроникой, но сам Лесков определял жанр однозначно как хронику. В одной из промежуточных редакций у будущих «Соборян» был подзаголовок «Повесть лет временных», прямо отсылающий к древнерусской летописи. В отличие от романа, хроника доводит дела до конца, длится и после кульминации: ее дело — не оставить неразрешенной ни одну сюжетную линию. «Хроника должна тщательно сберець последние дела

богатыря Ахиллы — дела, вполне его достойные и пособившие ему переправиться на ту сторону моря житейского в его особенном вкусе», — пишет Лесков.

«Хроника — это прежде всего отказ от крепкой и ясной интриги: повествование начинает виться прихотливой лентой... как бесконечная непредсказуемая нить», — пишет Лев Аннинский²⁷. Другие исследователи отмечают, что лесковская хроника — «особый тип повествования, когда смысловым центром оказывается не сюжет, а сама поступь исторического времени, и рамки, в которых изображается человеческая жизнь, раздвигаются до вселенских границ»²⁸. Иными словами, главный предмет «Соборян» — смена времени: уход «старой сказки» в лице двух священников-праведников и дьякона-богатыря и «полное обновление» — появление новых лиц, которые более соответствуют изменившемуся времени. Мировая литература знает такие тексты о болезненном крушении старого и дерзком, иногда наглom наступлении нового. Примеры такого эпоса, который завершается собственными похоронами, — «Беовульф», «Смерть Артура» Томаса Мэлори, «Виконт де Бражелон» Дюма.

ЧЕМ РАЗЛИЧАЮТСЯ РЕДАКЦИИ «СОБОРЯН»?

До окончательного варианта «Соборян» существовали еще три неоконченные редакции: две печатные и одна рукописная. Несмотря на общность сюжетной канвы, в них много текстуальных различий — особенно от итогового варианта отличается первая редакция — «Чающие движе-